

18-25.03.93

«И догадал меня черт родиться в России с умом и талантом». Эти пушкинские строки стали девизом ежегодных театральных встреч, которые уже в седьмой раз прошли в Липецке, в Драматическом театре имени Льва Толстого.

Во время последних «встреч» состоялась научно-практическая конференция: «Русская классика на современной сцене».

Актер из Русского театра Эстонии В. Рыбников привез моноспек-

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ВОСПИТАНИЮ ЧУВСТВ

«Липецкие театральные чтения». Значит, слова Пахомова о грядущем начале, не абстракция: «Надо, господа, дело делать!».

И еще одна новость из Липецка: согласно опросу жителей города, проведенному местной газетой, 85 процентов назвали Чело- веком года Пахомова. Это тоже — к вопросу об итогах его просветительского эксперимента.

Что же до самого «мероприятия» (как не хочется употреб-

вие — «безотносительно к общественному вопросу», как отмечал еще один из первых критиков Островского.

И это обстоятельство с самого начала как будто диктует режиссерский ход: решать сюжет на уровне «просто жизни», тщательного «проживания», прочувствования всех эмоций и душевных состояний героев. И начало, первые сцены как будто настраивают именно на это.

Жизнь есть жизнь, и она обманывает, испытывает нас. Это первая картина. Вторая: жизнь — театр. А театр, как известно, это особый мир, и люди театра — особые люди: идея, быть может, не самая новая, но для данной постановки оказавшаяся плодотворной. Спектакль Пахомова — это Театр, открыто себя заявляющий: редкое чувство жанра, позволяющее всем без исключения актерам соблюдать то самое «чуть-чуть», которое рождает в итоге прекрасный ансамбль и яркую сценическую форму.

Мелодрама об обманутой женской любви, о разбитом сердце, об утрате и обретении материнства? Да, конечно, но будто бы разыгрываемая вот сейчас, на наших глазах, представляемая «на театре», увлеченно и со вкусом. У края сцены посередине, как положено, — суфлерская будка, и по бокам горящие свечи, а в финальном акте сцена украшена разноцветными фонариками, как в летнем театре. Каждый персонаж «подается» прежде всего как выигранный номер, почти эстрадный номер, а выходы и уходы — на аплодисменты, на бис. И в итоге каждая роль — маленький бенефис: Ю. Ильин — Муров, В. Кравченко — Нил Стратонич, К. Шитова — Галчиха, В. Пономарев — Шмага, В. Бражник — Нина Павловна, В. Зябкин — Мило- взоров...

При этом в спектакле нет ни тени наигрыша, ничего нарочитого: чело-вечный и эмоциональный сюжет не «втискивается» ради эффектной режиссерской выдумки в условные рамки. Идея спектакля не подчиняет себе идею драматургии, а искренность чувств не высмевается, не подвергается сомнению. Прекрасная актриса, народная артистка России Светлана Погребняк — Кручинина (в день спектакля театр так изычно и тепло отметил ее юбилей-бенефис!). При ярком, «концертном», исполнении она просто не может не привести в образ столь свойственную ей тонкую интеллигентность, женский обаятельный ум и искренность. Она, сыгравшая на липецкой сцене чеховских героев — Аркадину, Елену Андреевну, а сегодня репетирующая Ольгу, вдруг заставляет вспомнить и здесь чеховские мотивы. Эта Кручинина — «премьерша», явно превосходная артистка, но и умный, чуткий, живой человек. Она сильна душой и талантлива, она умеет нести свой крест и верует, и эта вера в призвание, когда все потеряно, не позволяет ей бояться жизни.

В заразительно-игровой стихии этого спектакля, среди изычно «представляемых» страстей, интриг вдруг особенно чисто звучит дуэт Кручининой и Незнамова (А. Новиков) матери и сына, двух родных душ, наконец нашедших друг друга. Жизнь — игра, но не всякий сюжет ее пригоден для того, чтобы обернуться игрой.

Так этот спектакль, не изменяющий искусству в угоду неприязнели и зрелищности, сохраняет тожость прикосновения к классической пьесе, ее истинный драматизм.

«Вишневый сад» не был показан в октябре минувшего года на Международном фестивале имени Чехова в Москве. Между тем в ряду трех зарубежных фестивальных «Вишневых садов» он прозвучал бы весьма своеобразно, дополнив картину.

Пахомов полагается на само- достаточность классики: скромное оформление — сцена почти пуста, лишь громоздкий «многоуважаемый шкаф», да вишневое деревце склонилось, словно женщина. Нежная балетная музыка — «Копелля» Делиба. В начале спектакля наряженные дети, мальчик и девочка, выйдут на сцену и, пошептавшись, подойдут к тому самому шкафу, трогательно и важно поклонятся ему, прося о чем-то своем. Гаев (Ю. Ильин) и Раневская (С. Погребняк), брат и сестра, брошенные временем из гнезда, умеют сохранить эту нежность, как и сводные сестры — Аня и Варя, как смешной добряк Пищик, как верно служащий своим господам мудрый Фирс.

Да, все очень просто и очень сложно: была жизнь в этом доме — кончилась, больше не будет; были, жили вот эти милые, слабые, добрые, искренно привязанные друг к другу люди — больше не будут.

Одно время жар обличений и пафос иронии, погоня за «актуальностью» распространились и на сценические трактовки нашей классики. Спектакли Пахомова не обличают, не содержат сенсаций: в них смотришь, «словно в бинокль перевернутый», но дистанция, рожденная подчеркнутой театральностью, не приглушает момент сочувствия, а напротив, странным образом его освежает. Ближайшая премьера в Липецке — «Три сестры». В планах — «Горе от ума», Гоголь. Что же до коммерции, то театру охотно помогали и помогают шефы-учредители, химики и металлурги, а теперь еще и банки. Театр каждый год ездит в Мелихово, бывает в Ялте, в Ясной Поляне, проводит

лать по отношению ко всему, за- теваемому и проводимому Липецким театром, этого казенного слова), то отмечу с удовольствием, что все было идеально. Мы с некоторой опаской и недоверием, с иронией и скепсисом относимся сегодня к идеальному, как будто не может и не должно быть в нашей «нескладной, несчастливой» нынешней жизни ничего, хотя бы к нему приближенного.

И все-таки помня о том, что иногда так необходимо «восклицать» и «друг другу восхищаться», смею вас уверить: театр этот, живой, искренний, продолжает и в этом «мероприятии» свое дело, свой эксперимент по воспитанию чувств и очищению душ. Пафоса не стесняюсь: мне (и не мне одной) помогли — остановиться на бегу, оглянуться во гневе. Помог театр, его замечательные, талантливые актеры и актрисы, Пахомов, мудрый и обаятельнейший Владимир Яковлевич Лажин (неизменный ведущий липецких встреч), коллеги... И сами доклады их были вовсе не докладами — просто поделились они с друзьями, единомышленниками, как это бывает в милой и доброй компании, своими наблюдениями, сопоставлениями, впечатлениями о Чехове и Пушкине, Чехове и Островском, о последних московских классических постановках.

«Вы что, всерьез поверили, что будет конференция?» — пошутил Пахомов еще в день нашего приезда, на вокзале. Нет, не конференция — встречи. Хорошее слово и в данном случае самое точное.

Марина МУРЗИНА.
ЛИПЕЦК.

Сцены из спектаклей «Вишневый сад» и «Без вины виноватые».

Фото А. Козина.

такль «Записки сумасшедшего» по Н. Гоголю. Актриса М. Ганчук из Студии киноактера — «В родном углу» по рассказу А. Чехова. Хозяева показали три новых спектакля, поставленные Вл. Пахомовым — «Живой труп», «Вишневый сад», «Без вины виноватые». Кроме того, М. Ульяновым был открыт в эти дни Дом актера.

Недавно по телевидению был показан фильм о Владимире Пахомове, шестнадцать лет возглавляющем липецкий театр. Он сказал: сегодня, когда многие живут в ожидании худшего конца, он, напротив, живет в ожидании начала. Парадоксально? Сказано ради красивых словечек? Но о Пахомове никак не подумаешь: «не от мира сего», и эффектных речей он вести не привык. Значит, и вправду верит?

Пахомов — из тех, кто живет «наперерез». Вопреки течению. Моде. Пресловутой «злобе дня». Вот и сегодня он подряд выпустил три премьеры — своеобразную трилогию по русским классическим пьесам. Зал на восемьсот мест (явно великоватый для шестисоттысячного города) заполнен почти полностью. Люди Липецка привычно приходят вечерами в свой театр. Всегда нарядные, праздничные. И всегда в зале много детей, подростков. А когда спектакль закончен, все непременно встает и, стоя, аплодируют актерам.

Что же — в этом весь результат многолетней и достаточно известной в театральном нашем мире работы Липецкого театра по «воспитанию чувств»? Работы с классикой? Работы со зрителем? Вспомним многократно разруганную в прошлом веке теорию «малых дел», вспомним и чеховскую веру в облагораживающее влияние разбросанных по России, подобно огням в степи, интеллигентных людей — и негромкое, несущее

битие Липецкого театра предстает в ином свете. Как-то меня, в очередной раз возвращаясь из Липецка, не без иронии расспрашивал коллега: что же такое они там делают, чем они так уж интересны? В самом деле, что особенного в том, что люди театра, несмотря на перемены, просто делают свое дело, занимаются тем, что им нужно? И упорно, хотя ненавязчиво, ведут за собой зрителей? Нужно не Гоголя опускать до народа, а народ поднимать к Гоголю — это чеховская мысль. Сегодня очевиден всплеск интереса к классике, но Пахомов занимался ею всегда и встречал на этом пути и непонимание, и сопротивление, и проблемы. А он верил, верит, что, общаясь с классическим текстом, даже просто слушая его, человек (актер ли, зритель ли) очищается душой.

«Живой труп» — спектакль из трех последних премьер более ранний и более традиционный. Спектакль живет, меняется. На роль Феди Протасова ввели молодого актера А. Новикова. Его дарование, быть может, более лирическое, нежели драматическое, но работа над ролью идет, и актер становится интереснее, увереннее.

«Вишневый сад» сделан с большим вниманием к форме, к жанру, в элегантном и изобретательном оформлении О. Таардовской и В. Макушенко, он разыгран изычно, темпераментно и с юмором.

У «Без вины виноватых» — бесприкрытый сюжет. Ах, мелодрама, вечная спутница нашей сцены, вечная отрада для зрительских душ и отдушину для актеров! В современном Островском репертуаре, вызывая его неприятие, царил мелодрама с «нечеловеческими страстями и невозможными событиями». Не потому ли в его собственной пьесе простые, всем понятные чувства, перипетии судеб матери и сына, неизбежно рождающие зрительское сочув-

Пахомов Владимир

Журак и салки